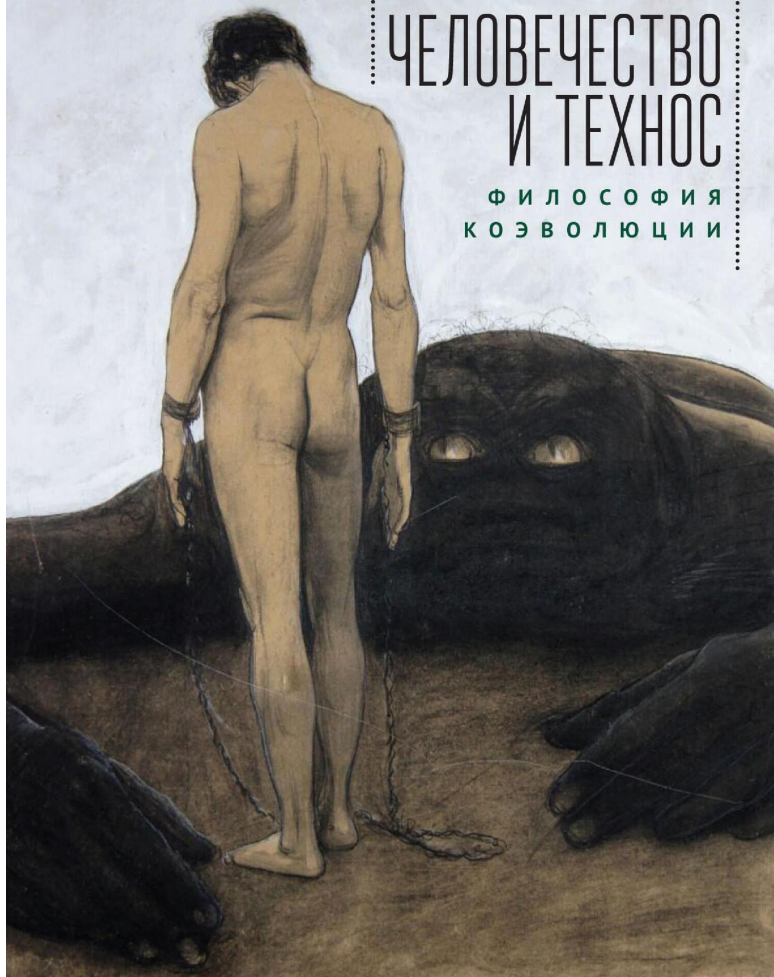

В.А. КУТЫРЕВ
В.В. СЛЮСАРЕВ
Т.М. ХУСЯИНОВ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ТЕХНОС

ФИЛОСОФИЯ
КОЭВОЛЮЦИИ

**Владимир Александрович Кутырёв
Тимур Маратович Хусяинов
Владимир Владимирович Слюсарев**

**Человечество и Технос:
философия коэволюции**

Серия «Тела мысли»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62771797

Человечество и Технос: философия коэволюции:

ISBN 978-5-00165-139-0

Аннотация

Судьбой человека стала техника. Общество трансформируется в ТЕХНОСистему. Будущее человечества зависит от того, как сложатся между ними отношения: произойдет ли конвергенция (слияние) людей и технологий или это будет их коэволюционное взаимодействие. Анализируя основные факторы четвертой технологической революции, авторы обосновывают необходимость целенаправленной деятельности по гуманизации ее достижений. Обсуждаются способы «приведения» технологий с искусственным интеллектом к человеку ради сохранения его идентичности. Предложена адекватная этой задаче методология феноменологического субстанциализма и идеология сопротивления, в центре которой модель соразмерного

жизненного бытия людей как коэволюции естественного и искусственных миров.

Книга предназначена для философов всех специальностей, философствующих ученых, гуманитариев, всех, кто озабочен предотвращением угрозы эвтаназии человечества и стремится к стратегическому осмыслению мировых процессов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Часть 1	25
Глава 1	25
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**В. А. Кутырев, В. В.
Слюсарев, Т. М. Хусяинов**
**Человечество и Технос:
философия коэволюции**

*Стало чудовищно очевидно, что наши
технологии превзошли нашу человечность.
А. Эйнштейн*

Введение

Если положение безнадежно, надо делать все, чтобы его изменить

«Прогресс не остановишь» – своего рода *Ultima ratio regum* (отрубание голов несогласным как последний довод королей) в дискуссиях о судьбе человечества в эпоху Великой технологической революции и нарастающей скорости производимых ею перемен. Скорости, при которой эволюционный процесс и революционные переходы сливаются в «революционную эволюцию» как непрерывную социальную трансформацию, своего рода бесконечный эволюционизм. Особенность этого процесса в том, что все перемены идут в направлении, когда межчеловеческие отношения, непосредственные или опосредованные вещами, да и сам человек трансформируются в информационно-технологическое и виртуальное состояние. Иное, в сравнении с тысячами лет исторически существовавших традиционных обществ. Вместо общества возникает глобально-универсальная система – Технос.

Фраза «прогресс не остановишь» семантически двусмысленная. С одной стороны, прогресс отождествляется с благом, а с другой, подразумевается какое-то скрытое зло, структурно-смысловым выражением которого напрашивается

ся пос(про)читать: «деградацию не остановишь» или: «от смерти не уйдешь». Однако в подавляющем большинстве трансформационный прогресс трактуют, не задумываясь о сопровождающей его тени, подтексте и коннотациях – как несомненное благо, хотя для философии и любого «человека с рефлексией» подобная фаталистическая установка недо-стойна. Она требует более глубокого осмысления и – Пре-одоления. Это делает каждый индивид, стремясь замедлить движение к смерти, несмотря на то, что знает о неотвратимости печального конца. Веками философы утверждали, что человек свободен, а если нет, то, по крайней мере, должен исходить из презумпции свободы, наличия многих вариантов возникновения нового, что теперь предполагается и на переднем крае самой современной науки – нелинейной, вероятностной, допускающей периоды неопределенности и точки бифуркации, чтобы делать выбор одного из них. В этом суть и польза рефлексии для жизни, без которой наше мышление остается техническим, алгоритмизированным – не имеет мировоззренческого смысла.

В общем, а пожалуй, что и предельном виде, в отношениях между традиционным Человеком и грозящей пре-взойти его Техникой можно выделить два вектора развития: конвергенцию и коэволюцию. В конвергентном случае происходит слияние составляющих его сущностей, превращение их в единую систему однородных элементов, с утратой специфики каждого. Это состояние сингулярности,

означающей возникновение еще невиданной на Земле новой технико-органичной формы сущего, не идентичного бытию (в смысле Хайдеггера). Сверхсложного по типу организации (вплоть до способности к искусственному мышлению) и техногенно-мертвого (машинного) по субстанции. Наиболее распространенным примером конвергентных процессов в сфере техно-конструктивистской деятельности являются трансдисциплинарные НБИКС-технологии. Примененные к индивиду конвергентные подходы превращают его в киборга, который довольно быстро перераст(а)ет в «свое другое» или прямо будет вытеснен настоящими роботами, о чем, собственно и мечтают трансгуманисты. В пределе, это линия на «исход (из) человека». Движение Номо genus к смерти.

Коэволюция предполагает комплексное взаимодействие как функциональное единство входящих в него частей с сохранением их субстратного различия, самостоятельности. Человек продолжает существовать в качестве субъекта, использующего технику в роли средства своего развития. В обстоятельствах экспансии новационизма это единственно возможная установка по отношению к технологиям, которая, не останавливая, но регулируя их развитие, управляя применением, служит продолжению человеческого рода на Земле. Любое эколого-антропологическое движение за сохранение природы, как внешней, являющейся средой обитания человека, так и его внутренней, духовно-телесной, предполагает, даже безотчетно, модель коэволюции. Только она

дает надежду на сохранение человеческого жизненного мира, фактически на выживание самого человека, при условии, что, адекватно понимая складывающуюся ситуацию, люди за свое будущее будут бороться, как, повторимся, все время поступает, если не захвачен *mortido* (влечением к мертвому) индивид, пусть и зная о конечности своего бытия. Что они антропоконсерваторы. В настоящем. Прямо сейчас.

Книга состоит из введения, трех частей и «вместо заключения». Ее сформировавший под влиянием и в контексте неклассической философии коллективный (тринитарный+) автор, несмотря на интересу субъектность текста, единосущный и равноипостасный. Особенность деления на части в том, что оно делается не по различию обсуждаемых в них проблем, а по подходу к ним, способу их рассмотрения.

Первая часть «Конвергенция или коэволюция – основной вопрос жизни современного человечества» – это традиционное теоретическое обсуждение проблем конвергенции и коэволюции как явлений самой реальности, их отражение в текущей литературе. Показано решающее значение выбора направленности развития современной цивилизации и то, как она проявляется в разных сферах человеческой деятельности. Особо подчеркнуто и в разных аспектах специально прорабатывается положение, что в условиях развертывающейся четвертой технологической революции возникает феномен искусственности «второго порядка», «трансискусственное», которое формируется на базе цифровых тех-

нологий, микро и мега-миров. Этот созданный с помощью сверхчеловеческого интеллекта мир несоизмерим с жизненным миром человека. В таком случае основным вопросом (философии) бытия Homo Genus становится поиск *modus vivendi* с постчеловеческими формами реальности, выявление возможностей взаимодействия с ними. На базе анализа результатов в принципиально новых областях технологической революции обосновывается необходимость их «очеловечивания».

В книге почти не уделяется внимания «спорам о словах»: конвергенция, коэволюция, различию их смыслов в познании, биологии и социальном плане, берутся как интуитивно понятные. В контексте применения они проясняются сами по себе, делая ненужными схоластические препирательства об определениях. Главное – реальные, конкретные, животрепещущие, хотя не частные, а мировоззренческие проблемы, связанные со стратегией выживания человечества. Их спектр и сущность. Разрабатываются варианты адаптации транстеchnологий к нашему традиционному жизненному миру в свете задачи сохранения идентичности исторического человека. В изменившемся контексте, в немалой степени под влиянием прокатившейся по миру пандемии COVID-19, пересматривается содержание известных концепций осмысления происходящего: экологический и антропологический кризис, устойчивое и/или новационное развитие, как и можно ли (про)жить без труда, опасности биокапиталистической

эксплуатации живого и гендеризма для продолжения человеческого рода. Предлагается особая, адекватная задачам коэволюции методология феноменологического субстанциализма и полионтизм как бытийный фундамент философии сопротивления. Рассматривается взаимодействие рационально действующих субъектов и ментальной коммуникации агентов, показываются реальные последствия трансгуманистической идеологии «улучшения людей» и как можно бы сопротивляться этим процессам посредством выстраивания гуманитарных фильтров, действительного следования принципам экологии и биоэтики, принятия соответствующих законодательных решений и др.

Вторая часть монографии «Мышление о мышлении»: критический анализ конвергентной идеологии в философской литературе». Жанр – «размышления над книгой». Этот подход снимает тривиальную монотонность стандартного монографического текста, делает его более конкретным и «субъектным». Становится понятно, о чем философы пишут, «спорят», при том споры и размышления происходят «не вообще», а в исполнении тех или иных ее представителей, имеющих свое лицо и теоретическое имя. Это придает «объем» теоретизированию, делает его более живым, чего явно не хватает сейчас большинству современных философов, занятых в основном параллельным друг другу пересказом последних достижений технаук, а на «передовых рубежах», того, что сумели перевести по-русски и пишут о

них на Западе. Отсутствие самости и критичности, описательность и беспроblemность не способствуют влиянию философии не только во внешней, хотя иногда близкой (гуманитарной) аудитории, но и среди самих философов.

Рассматриваются идеи пяти известных, значимых, по нашему мнению, работ связанных с проблематикой бытия человечества в техносистеме. Показано, что в четырех из них в той или иной степени в превра(щен)тной форме, т.е. не отдавая отчета, пишется одно, а получается другое. Авторы как бы озабочены судьбой человека, но через них фактически говорят потребности дальнейшего неограниченного саморазвития технологий вплоть до (сначала) слияния нашего предметного и живого мира с виртуальной реальностью, а потом и растворения в ней, поглощения ею (форма апокалипсиса, которую никто не предполагал). В них не учитывается, что носители конвергентной стратегии развития человечества мыслят, случается, техногениально, однако узко, уже не как люди или еще люди, но «не в своем уме», их сознание скорее рефлекс, нежели рефлексия, детерминированное наступающим, и особенно будущим состоянием Техноса, оно, лишившись здравого смысла, становится без(д)умным.

Первое размышление над книгой Квентина Мейясу «После конечности. Эссе о необходимости контингентности». Ек.–М., 2015: *Спекулятивный реализм как философия фактичности начала конца человеческого (мира).*

В последние годы получил распространение на первый взгляд странный поворот: от конструктивизма, долгое время пропагандируемого как передовой и органичный для технологической революции, к ославленному как нечто устаревшее, консервативное, реализму. В разных его оформлениях. Особенно распространился так называемый спекулятивный реализм. В знаковой для него книге К. Мейясу решается задача получения доступа к «реальности как она есть». Выдвигаются аргументы против корреляционизма классической философии, главным из которых является отказ от принципа необходимости достаточного основания в пользу принципа контингентной фактичности. В качестве нового «недогматического» Абсолюта вводится понятие математизированного Хаоса. Однако анализ текста показывает, что это эссенциалистский аналог идей структурализма, онтологии коммуникации и синергетики, которые более убедительно уже были разработаны в методологии науки. Посттеоретический (спекулятивный) реализм есть отражение экспансии искусственной виртуальной реальности, претендующий на парадигмальное объяснение всего сущего. Как превращенная форма философии computer science он обосновывает конечность предметной физической реальности, тем самым лишая человека его жизненного мира. Это вариант конвергенции, нигитологии и проявление апофатического состояния современного сознания. В методологическом плане спекулятивному реализму мы противопоставляем методо-

логию феноменологического субстанциализма, коррелятивную философии коэволюции.

Второе размышление посвящено книге А. Н. Нилогова «Философия антиязыка. СПб., 2013 и ее продолжению «Антислова и вещи. Футурология гуманитарных наук». СПб., 2020: *Контрлингвистическая революция и ее постчеловеческие перспективы.*

В сфере гуманитарной методологии нарастает критика языка. Разрозненные выпады выливаются в контрлингвистическое движение. Работа А. С. Нилогова берется как один из его наиболее характерных элементов. Причиной этих тенденций являются процессы технологизации и сциентизации современного мира. Рассматриваются превращенные формы их отражения в гуманитарном сознании. Показано, что контрлингвистическая идеология борьбы со «словом» есть подготовка, расчистка места для замены живого человеческого языка искусственными языками математики, в сущности, Цифрой. И философия, в подобном исполнении, вместо заботы о сохранении сознающего образа мысли, как свойственного человеку «мышления с рефлексией», переходит на позиции субстанциального обоснования алгоритмического интеллекта, когда не думают ни о целях, ни о ценностях. Конвергируя, сливается с ним. Дается критический анализ контрлингвистической позиции автора, в котором показывается, что говоря, «пища», на естественном человеческом языке о том, что его надо уничтожить, он противоречит себе.

Ему бы надо говорить об этом «грамматологически», «би-тами», может быть на языке «Фортран». Коэволюционный подход требует преодоления этих самоубийственных для человека тенденций путем культивирования экологии живого языка.

Как ведется борьба с языком и жизненным миром человека в ее «позитивном варианте» показано в третьем размышлении над книгой С. Е. Шилова Риторическая теория числа М., 2013: **Философско-цифровое обоснование Техноса.**

Это не(до)оцененная книга, заслуживающая, несмотря на прошедшие после издания более 7 лет, особого внимания. Думается, что к этому уровню апологии «электронного мышления», которое должно заменить человеческое, никто не подошел, по крайней мере, в русскоязычной литературе. В отличие от множества публикаций, просто пересказывающих достижения в цифровизации реальности, в ней на обширном материале постнеклассической науки о микро и мега-мирах, со смущающей «классическое сознание» убедительностью, показано преимущество их математического описания в сравнении с естественным языком и логосом. В посильной пленнику естественного языка трактовке, мы излагаем основные положения философско-цифрового обоснования Техноса. С. Е. Шилов показывает преимущество не обремененного образностью и смыслом чистого = формализуемого = точного мышления – без «психики» = без

воображения, визуальных картин и предметных характеристик, которые в последнее время буквально вымучиваются в физике – клей, супы, цветность, четность, темная материя и т.п. Все это заменяется «цифровой реальностью», исходным «атомом» которой предлагается считать 1 (единицу). А «лучше бы», последовательнее – 0(ноль), так как это более адекватный цифровой символ Ничто, в которое цифровые технологии погружают человечество.

Предметом четвертого размышления является книга Ю. М. Резника «Феноменология человека: бытие возможного». М., 2016: *О гуманитарном проектировании и новой модели человека.*

Начавшийся со структурализма и завершившийся постмодернизмом кризис философии человека в XX веке перерос в разложение самой философской антропологии. Книга Ю. М. Резника оценивается как не совсем удачная попытка преодоления этого кризиса. Обсуждается содержание предлагаемой им новой модели человека, построенной на основе трансцендентальной феноменологии и проективной методологии. Наряду с множеством интересных подходов, в ней не учитывается, а иногда и просто нет понимания решающего влияния на человека результатов и перспектив современной технологической революции. Его «модель человека», хотя и провозглашена с благими намерениями, по своей сути в превращенной форме воспроизводит тенденцию его превращения в киборгическое существо и находится под влияни-

ем трансгуманистической идеологии. Мы предлагаем «повернуть» феноменологические идеи от трансцендентализма к реализму, от раннего Гуссерля к Хайдеггеру и позднему Гусерлю, а проективную методологию в сторону коэволюции возможных миров, с защитой приоритета «нашей реализации» одного из них.

Пятое размышление опирается на книги М. Лифшица «Почему я не модернист». М., 1978 и «Проблема Достоевского. Разговор с чертом». М., 2015: *Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества.*

Выдающийся литературный «критик-консерватор» второй половины XX века и первый советский философ сопротивления техногенной деградации человека и его жизненного мира – М. Лифшиц. Он поддерживал версию марксизма, которая нашла свое продолжение и проблемно реализовывалась в период построения социализма в Советском Союзе. Отстаивая теорию отражения и реалистическое искусство, он вступил в конфликт с теоретиками «творческого марксизма» и эпохой модерна в целом. Это было предвидение перерастания модернизма в постмодернизм, происходящего в настоящее время отказа от гуманизма, идеалов Просвещения и господство технократизма. Рассматриваются его аргументы в полемике с идеями М. Бахтина, Э. Ильенкова, «русским космизмом», другие примеры защиты принципиальных положений гуманистическо-диалекти-

ческой философии. Обосновывается, что ее конец был вершиной классического философствования вообще. В настоящее время общая идея коэволюции в социально-политическом плане может быть реализована только как левый консерватизм и это единственно оправданная стратегия человечества, если оно хочет продолжать существование, сохраняя свой жизненный мир.

Третья часть монографии – внутренняя полемическая беседа тринитарного Автора книги (именной концепт – Кутсюсаинов) в своих разных ипостасях, в сущности, обсуждение той же проблемы разнонаправленности тенденций конвергенции и коэволюции, но в «разговорной», более свободной форме. Своего рода попытка, опыт, набирающего в мире влияние популярного, понятного остальному обществу философствования (так называемой *field philosophy* – полевой философии). К сожалению, эту популярность часто видят в упрощении и примитивизации проблем по существу или прибегают к сомнительным приемам изложения вплоть до анекдотов и комиксов. Но непонятность философии проистекает не из ее сложности, а прежде всего, из того, что (и когда) она бездушная, схоластическая, оторванная от жизненных интересов людей. Дискуссионность, столкновение позиций «по определению» препятствуют такому омертвлению, ломают его. Уже во второй части монографии была полемика, и хотя мы стремились вести ее честно и сделать убедительной, она рецензионная, оценочная, фактиче-

ски односторонняя, спор шел с авторами, которые не могли ответить. В живой дискуссии друг с другом снимается и этот недостаток. Реально присутствующий оппонент не позволит говорить за него и следующим вопросом или прямым возражением выровняет ситуацию так, что читатель поневоле поймет, о чем идет речь. Особенно, если вопросы обсуждаются не птичьим, а человеческим языком. Полагаем, что это шаг к действительной популярности философии, а значит и реальному воздействию на ход событий.

В центре дискуссии книга В. А. Кутырева «Сова Минервы вылетает в сумерки» СПб., «Алетейя» 2018. В ней поднимаются фундаментальные философские проблемы, актуализировавшиеся под влиянием технологической революции второй половины XX и начала XXI века, особенно в свете ее четвертого этапа, связанного с возникновением Искусственного интеллекта, их последствия для человека сейчас и в перспективе. Автор «Совы» исходит из консервативного представления о человеке как о родовом существе, чья телесная природа входит в противоречие с научно-техническим прогрессом. В эту болевую точку и целят его оппоненты, стремясь показать, что он «хочет заморозить» объективные процессы развития человеческого общества. В дискуссии используются аналитический и герменевтический методы, сравнительные и критические приемы философствования. Если В. В. Слюсарев и Т. М. Хусяинов предполагают допустимость изменения человека при помощи новацион-

ных технологий, то В. А. Кутырев против этого, настаивает на границах их применения. Провозглашая: «Я антропоконсерватор: хочу остаться человеком... как можно дольше», он развивает философское направление, для которого ключевой ценностью является собственно человек в совокупности его проявлений как биологического, социального, творческого существа. Показывается, что современные тенденции (цифровизация, виртуализация, гендеризация как первый этап трансгуманизма, трансформация философии в STS и стирание границ между полами и нациями) ведут к деградации людей, сводя к минимуму их живые, природные, а, в конце концов, и творческие начала. Для сохранения идентичности человека необходимо создавать систему сознательного управления технологическим развитием, в которой философия должна выполнять не только методологическую, но аксиологическую, предупреждающую и, указывая на опасности, «пугающую» роль. С этим согласны все участники полемики вокруг «Совы Минервы».

Кроме спора адептов философии коэволюции друг с другом, раздел дополняется интервью В. А. Кутырева (тоже полемическом) представителю журнала «Философия хозяйства» на тему «Технологии переступают через человека... Но люди боятся знать об этом» и «Полет Совы в слепящей тьме» для еженедельника «Литературная Россия». Суть проблемы та же: или, конвергируя, мы сольемся с техникой, а, в сущности, растворимся в ней, она нас п(р)оглотит, так,

что мы сами не заметим, или будем пытаться взаимодействовать, используя ее как средство, сохраняя собственную природу. Только при второй стратегии деятельности наш человеческий род продолжится на Земле.

Завершается монография подачей материала в форме **«Вместо заключения»**. Традиционный краткий пересказ содержания книги заменен «Базовым тезаурусом (словарем) ключевых концептов философии коэволюции». Одновременно это как бы и выводы из нее. В отличие от понятий, отражающих какое-то частное явление или предмет, концепт соединяет смыслы разных понятий, это узлы теоретической сети, пронизывающие все исследование, или «стержни», которые поддерживают его смысловую конструкцию, своего рода «мемы» авторских высказываний. Для тех, кто сомневается, читать ли книгу дальше введения, чтобы конкретизировать представление о концептах, о которых как о морских змеях или инопланетянах часто говорят, но ничего не предъявляют, вот пример введенного (созданного) одного из них: **«Интеллагент**. Если интеллигент – это человек образованный, духовно развитый и нравственно ответственный (личность), интеллектуал – человек образованный, рационально мыслящий, действующий, но нравственно безразличный (актер), то интеллагент – это человек, получивший преимущественно компьютерное образование, «живущий» в виртуальной реальности on-line, а в предметном мире только присутствующий (агент сетей). Пленник Техноса.

Таков неизбежный результат воздействия технологий на людей, если не сопротивляться их универсализации. Всего разработано и введено в словарь более 70 концептов философии коэволюции.

Возможно автор(ы), особенно основатель школы философского антропоконсерватизма В.А. Кутырев, иногда высказываются слишком резко, «впадали в крайности». Но чтобы понять вещь в ее сути, надо мыслить радикально. Компромиссы нужны в делах и после того, как суть дела понята. Она в том, что главная, великая, роковая, мучительная проблема современного человечества – осознать свое драматическое положение перед фактом саморазвития технологий и что в теоретическом плане ради выживания надо культивировать Идеологию (философию) Коэволюции – пытаться направлять развитие цивилизации с целью сохранения своего жизненного мира и самости. Это самая естественная, самая очевидная стратегия, ровно такая, какую исповедует каждый отдельный человек в своей жизни. Она, в предлагаемой читателю книге, и предлагается.

А что еще может быть высшей целью человечества? Все мы, кто хочет жить, антропоконсерваторы, сами себе цель, а техника должна быть только средством. Странно, что это надо доказывать. Да, думается, и Автор бытия= Святая троица сотворенным им по собственному образу и подобию людям, верующим и неверующим, непрерывно провозглашает (если бы только они умели слы(у)шать) новую, одиннадцатую за-

поведь: *Не все, что технически возможно, надо осуществлять!* Жизнь есть взаимодействие необходимости и случайности, законы развития нарушаются другими законами, поэтому обстоятельства могут многое, но не все. Стойте, думайте, – говорит от, – у вас есть свободная воля. Совершая, выбирая грех, вы тем самым доказываете, что можно поступать и во Благо.

Что касается появляющихся на нашей Земле зараженных соблазном Mortido (влечением к самоотрицанию) постантропологических мутантов – зомби, ментальных роботов, киборгов и других представителей трансгуманизма (иноземно-планетян), они будут довольны, если, отказываясь от телесности и эмигрируя в вожаделенные виртуальные миры, («расширив сознание» с индивидуального до универсального), потеряв самость, растворятся в них. Так, в конце концов, осуществится их мечта (о бессмертии). Или в командах с настоящими роботами начнут улетать в адекватный их природе Космос. На мертвые планеты, не делая мертвой – нашу, планету тех, кто хочет оставаться человеком. Хотя бы, (не) надеясь на чудо. Да не поглотит Природу, Жизнь и Род Человеческий – Технос. **НЕТ движению человечества к техногенному самоапокалипсису!** Особенно в форме эвтаназии, как это происходит сейчас на острие прогресса.

Тогда продлимся...

Автор(ы) благодарит кафедру философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ее

*доброжелательный и талантливый коллектив во главе с
членом-корреспондентом РАН И. Т. Касавиным*

Часть 1

Конвергенция или коэволюция – основной вопрос жизни современного человечества

Глава 1

Универсальный эволюционизм и конвергенция или полионтизм и коэволюция

Человеку свойственно ошибаться. Построив забор, или сочинив текст, мы видим, как это можно было сделать лучше. Потому что приобрели опыт, который не дается сразу и легко, обычно это «сын ошибок трудных» (А. Пушкин). Ошибки развития необходимы и полезны, оно идет через их преодоление. Ошибки вредны и опасны, когда их не видят, еще опаснее – не хотят видеть, или сознательно обманывают других, еще опаснее – самих себя. Тогда человек теряет ориентиры и понимание того, что на самом деле с ним происходит. Он может продолжать мыслить, но как бы «не в своем уме», не замечая очевидных противоречий. Лишается здра-

вого смысла. Это относится не только к человеку, но и к обществам, цивилизациям, особенно на этапе их кризиса, разложения, да и к миру в целом. Мы намерены обратить внимание на одно грандиозное противоречие, ошибку, обман и самообман вместе, которые в настоящее время культивирует, или которым предается все человечество.

* * *

Речь идет о характере осознания людьми своих перспектив, дальнейшей судьбы. Конечно, таких попыток и программ огромное количество, но некая общая, предложенная от имени современной цивилизации в целом, пожалуй, только одна. Это теория устойчивого развития (sustainable development), которая, как известно, была выдвинута в конце XX века в качестве своеобразного императива выживания человечества. И была принята практически всем миром на невиданной по масштабу и представительности конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году, куда собрались главы более 100 государств, а подписана от имени 178 государств. Она стала как бы «официальной идеологией» жизни человечества на обозримое будущее. Ориентируясь на нее, руководствуясь ею, все входящие в ООН страны обязались работать и принимать решения в последующие годы. Ее подзаго-

ловок: «Повестка дня на XXI век»¹.

В значительной степени это событие было инициировано деятельностью так называемого Римского клуба, международной организации, созданной итальянским промышленником Аурелио Печчеи, объединившей представителей политической, финансовой, культурной и научной элиты мира. По поручению Клуба самые авторитетные ученые конца XX века дали прогноз дальнейшего развития человечества, если оно не предпримет каких-либо сознательных шагов по изменению его характера. Прогноз неутешительный, угрожающий самому существованию *Homo genus* (людского рода). Во всеоружии обширных статистических данных, новейших достижений компьютерно-математического моделирования и своего таланта приглашенные аналитики показали губительные для природы и человека последствия неконтролируемого развития мировой экономики, поставили вопрос о необходимости пределов ее роста, вплоть до призывов к «остановке развития» и «нулевому росту»².

На подобный шаг мир пойти не мог, не решился. Но ограничить развитие по параметрам сохранения системы, которая развивается, то есть поддерживать её в устойчивом состоянии – это было более или менее осознано как единствен-

¹ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. Повестка дня на XXI век. М., 1993.

² См., например: Печчеи А. Человеческие качества. М., Прогресс, 1985. 311 с.; Меддоуз Д. и др. Пределы роста М., изд-во МГУ, 1991. 208 с.; Меддоуз Д. и др. Пределы роста. 30 лет спустя. М., изд-во Академкнига, 2007. 342 с.

но правильная возможная установка, если люди хотят выживать. То есть фактически подразумевалась устойчивость человеческого общества перед фактом его возможного разложения и распада при продолжении нерегулируемого развития. Как разрушается машина и любой механизм, когда превышена скорость их движения или от перегрузки. Отсюда следует, что человечеству необходимо «нажимать на тормоза», ориентируясь на регулируемое, контролируемое развитие. Чтобы удержаться на последнем «рубеже самости», все изменения нашей цивилизационной активности необходимо перестраивать по целям, скорости и внутреннему характеру, подчиняя задачам сохранения Homo genus-sapiens, каким он сложился в процессе биологической эволюции.

Устойчивое общество! Сохранение природы! Продолжение человеческого рода! Если думать об идейном обеспечении подобных целей (а какие у людей могут быть цели, если они не самоубийцы и хотят продлить свое существование во времени), что обычно ждут от философов и других гуманитариев, то им необходимо разрабатывать философию равновесия, оптимизации взаимодействия существующего и перемен, традиций и новаций, действительного и возможного. Надо предлагать теории, обосновывающие необходимость подчинения экономики хозяйству, техники культуре, потребления самосовершенствованию, рационального духовному. Исповедовать идеологию динамического консерватизма, ставить гуманитарные фильтры перед всем, что

внедряется и делается. Базовая мировоззренческая установка для устройства и при функционировании таких фильтров: сначала надо быть, а потом меняться; *развиваться надо для того, чтобы быть*. Sustainable development – это когда изменение, развитие и становление не самоцен(ль)ны, не движение в дурную бесконечность, а служат сущему и Бытию.

Однако вместо обсуждения путей и методов реализации идеи устойчивого развития как динамического консерватизма в каждой стране и в масштабах мира, в теоретической сфере начались бесконечные дискуссии о том, что понимать под «устойчивым развитием», выдвигаться десятки, сотни интерпретаций, вплоть до откровенной лингвистической казуистики, запутывающих его главный смысл. Который, в сущности, управленческо-экологический: как приводить развитие, открываемые им новые возможности изменений окружающей среды, к жизни и мере человека. Об этом, странно, но факт, думали и спорили меньше всего. Наконец, утомившись от праздномыслия, идею устойчивости как сохранения условий жизни человека в процессе их изменений («Изменяясь, оставаться собой» – предлагает одна умная реклама, но, к сожалению, только одежды, а не мира), выдвинутую в качестве последней надежды на выживание, стали, с одной стороны, забывать, а с другой, использовать в извращенном виде. Устойчивость развития сделали синонимом непрерывного роста и начали трактовать в плане его еще большего ускорения. Страны, области, районы, граф-

ства и кантоны принимают программы «устойчивого развития», имея в виду обязательное наращивание объемов производства и уровней потребления. Чтобы было везде «как в развитых странах», которые лопаются от переизбытка производимого, мучительно, ради моды или просто хулигански выдумывая новые потребности, не зная, кому и куда все продать, или выбросить, не говоря уже о колоссальных расходах на вооружение, а о разоружении перестали даже вспоминать. Главную глобальную мудрость мира сего можно выразить в трех идеалах: 1) чтобы все изменялось-обновлялось, 2) продавалось-потреблялось, 3) как можно быстрее и больше.

В ходе и результате такой деятельности, не отказываясь открыто, принятую всем миром задачу поддержания существования того, что развивается (природы, общества, человека) также всем миром запутывают, а фактически отбросили. Извратили «до наоборот» и хоронят, притом недостойно, не попрощавшись. Тайно от самих себя. Боятся понимания, что произошла (произвели!) подмену смысла понятия и самой сути того, о чем шла речь, когда принималась Декларация устойчивого развития. Заняты (само)обманом. Вместо заботы об устойчивости, т.е. сохранении человека, природы, общества стоит всеобщий, глобальный гвалт и оглушительный крик о развитии как замене всего без разбора – новым. Заботы о внедрении нового. Почти любого, с минимальным или вообще «без» размышлений о последствиях, даже ближайших. Крик об «инновационизме», о четвертой техноло-

гической революции, когда человека во всех сферах заменят автоматы. И никакого осознания, что это принципиально разное мировоззрение, прямо противоположные, отрицающие друг друга подходы. Никакой проблемы, никакого противоречия между устойчивостью и новационизмом не видят. Поистине, слепые вожди слепых, идут с широко закрытыми глазами. Деятельность Римского клуба и провозглашенная в 1992 году в Рио-де-Жанейро Декларация об устойчивом = ограниченном = регулируемом развитии, были, по-видимому, последним озарением человечества перед погружением в новационное без(д)умие и техногенный фатализм. Последней крепостью его здравого смысла.

В маскирующем обрамлении мелких, конкретных, паллиативных решений экологического характера, по факту начался п(р)овальный перевод общества на новационный образ жизни, внедрение (ин-новацию) в быт и бытие последних, практически без отбора, «с пылу, с жару» достижений науки и техники. Новационизм как идеология предполагает, что любая вещь существует для того, чтобы скорее исчезнуть, замениться другой, новой. Бытие сущего, человека, вещи не имеет значения. Главное – становление (иного). Новое ради нового, «гаджетизм». Настоящее ради будущего, которое став настоящим, т.е. реальностью, больше уже не нужно. Также будет со следующим новым, которое тут же будет объявлено старым, подлежащим замене, смерти, уничтожению. В некоторые изделия сразу и сознательно

закладывается их ликвидация, хотя бы они могли служить намного дольше (феномен обsolesенса – это ли не воплощение абсурда). Непрерывная смерть, типичная дурная бесконечность прогресса без образца и идеала. «Все, что существует, уже устарело» – цитируют или придумали девиз (за) будто бы Леонардо-да-Винчи. Ин(онизм)-новационизм превращается в определяющий фактор сознания современной цивилизации. Он задает смысл и выражает ценности ее постмодернистского этапа. Что касается устойчивости как сохранения сущего – забудьте о ней. Но не забывают, все еще обсуждают, чтобы не думать, маскируя противоречие и забалтывая состояние новационного самоапокалипсиса, которое переживает человечество.

В отличие от предыдущих веков развития, особенность современного технического прогресса в том, что его новации связаны с проникновением в мега, микро(нано) и информационно-виртуальные миры, возникшие на базе теоретических открытий первой половины XX века, прежде всего в физике, квалифицируемых обычно как неклассические и начавшейся во второй половине века их технизацией, воплощением в практику. Благодаря этому, люди видят, слышат, осязают то, чего вокруг них нет, что феноменологически они не видят, не слышат, не воспринимают. Открытые микро/мега/вирту миры несоизмеримы с нашими органами чувств, параметрами телесности, а в конце концов, и мышлением, если оно не вооружено электронными машинами. От-

крыто объявляется, что искусственный интеллект будет «умнее» человеческого в миллионы раз. Однако мы в них и с ним действуем, добиваясь полезных в/для макрореальности результатов. Надолго ли? Общий смысл практический прошедших научных революций XX века в том, что несоизмерность познания стала несоизмеримостью быт(а)ия. Сфера деятельности человечества превысила сферу его жизни. *Мир перестал совпадать с нашим Домом.*

К настоящему времени наука прямо сливается с техникой, превращаясь в технонауку (technoscience), которая больше не познает природу, подобно классической, и не преобразует ее как неклассическая, а используя в виде материалов, создает новую реальность, вторую «природу». В таком качестве она обычно определяется как постнеклассическая, по принципиальным характеристикам являясь трансценденталистской (исходит не из сущего, а из мысли), дигиталистской (все формализуется и математизируется), конструктивистской (проективной, ориентированной на то, чего нет) – «искусственной». Ее признанное ядро – конвергирующие друг с другом исследования в сфере наноразмерностей, биоты, информатики и когнитивного интеллекта (НБИК). Однако, это узкое, интерналистское понимание проблемы. Если ее оценивать мировоззренчески, то *новая, современная = постнеклассическая наука является пост-человеческой.* Потому что творит реальность неадекватную биологическому человеку, какой он был в до сих пор прошедшей исто-

рии, это реальность до людей на Земле не бывшая, не существовавшая на Земле и при людях, до актов со-(творения)здания ими иного, искусственного мира. Иного не по форме, как было «в (не)классике», а по субстрату. Если продолжить данные тенденции развития до метафизического идеала, то постчелове(некласси)ческая наука творит новую=иную субстанцию. Притом произвольно, свободно: «по щучьему велению, по моему хотению». И какую угодно. Это вершина деятельных возможностей человечества, их масштаба и величия, которой оно, в лице западной цивилизации, жаждет как можно скорее достичь.

Все народы карабкаются к ней, одни находясь у подножья, другие где-то посередине или ближе. Россия отстает от передового отряда прогресса и видит свою задачу в том, чтобы догнать его, влиться в ряды стран, чье производство в гораздо большей степени основывается на постнеклассических технологиях. Передовым странам такая модернизация уже не нужна, они в ней развиваются, в то время как содержанием российской модернизации является переход к подобным технологиям. Их универсализация. Поскольку все постнеклассические новации опираются на достижения информационной революции, то под модернизацией можно подразумевать процесс информа(нова)тизации страны; поскольку в материальном плане пост-неклассические новации опираются на микро-нано-размерности, то под модернизацией можно подразумевать процесс иннано(нова)тизации страны;

или, идя по схеме НБИК дальше, подразумевать под ними процессы биотизации + когнитизации (цифровизации). Хотя такой буквализм не обязателен. Для определения сути стоящей на повестке дня модернизации достаточно понятия *постчеловеческой инноватизации*. Но «пост» и «ин» – обязательно. Постчеловеческий модернизационный инновационизм – это процесс, вызывающий невиданные, почти невообразимые, немислимые энергии, силы и материалы, которые делают человека Богом, но он же может п(р)оглотить его, превратив в материал и силу для того, что будет после человека. Умертвит его. *Ради становления Иного.*

В XX веке обновление России проводилась под лозунгом: «Коммунизм есть советская власть + электрификация всей страны». Это была индустриальная модернизация. Теперь лозунг светлого будущего может звучать так: «Потребительское общество (комфорт) есть капитализм (рынок) + инноватизация всей страны». Инновационизм нельзя сводить к голый техничности. Он предполагает вывод нового товара или услуги на рынок, спрос на них. Для этого в них должна быть потребность и главная проблема инновационной экономики не в том, что не хватает новаций, а в том, как выявить или создать, при(-на)думать новые потребности. Прежние теоретики будущего были озабочены проблемой нехватки материальных благ для удовлетворения потребностей человека и беспокоились, как их ограничить, выделив «разумные». О том, какие потребности считать разумными, а какие нет, ду-

мали лучшие умы, были написаны горы книг. Ирония истории в том, что теперь проблема не в нехватке благ, а в нехватке потребностей. «Потребность в потребностях». Нынешние лучшие «форсайт-технологи» думают и заботятся о том, как увеличить их количество. Отсюда «потребительское общество». Это общество, когда не только много и все больше потребляют, но когда потребности его членов не ограничиваются, а культивируются. Вплоть до рекламирования с целью эксплуатации пороков и страстей, разложения и смерти. «Путы разума», налагавшиеся на рост потребностей – сброшены. Цивилизация совершает ликующий танец вседозволенности. Потребности не только перестали быть разумными, но и не должны ими быть. С их разумностью борются. Потому что воля к жизни деградирует до «воли к потреблению». *Началось потребление самого человека*³.

Поскольку базовые, «естественные» потребности в современном обществе фактически удовлетворяются, или, в принципе, могут быть удовлетворены, их место занимают сознательно конструируемые, искусственные. Человек не подозревал, что какие-то услуги или товары ему нужны, пока их не изобрели в инновационно-коммерческих центрах,

³ Пример заботы о том, как эти процессы эффективнее наладить см: *Аргонов В. Ю.* Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или стимул развития. // *Вопр. филос.* 2008. № 12. Из содержания статьи следует, что стимул развития. Программирование потребностей – это программирование (зомбирование) личности. Вот каких высот/низин достигла наука и будто бы философия, рефлекторно обслуживая саморазвитие потребления и технологий.

и реклама не убедила его в их совершенной необходимости. Иногда они хулиганские (специальные очки с рисками для разрезания торта, аппарат для надевания презерватива, устройство, приподнимающее тарелку по мере съедания супа), иногда, особенно по отношению к природе, просто преступные, или на первом этапе полезные, а на втором приносящие вред, для компенсации которого нужно изобретать новые новации. Возникли символические, знаковые, виртуальные потребности, и для них, в общем-то, нет предела. Самая великая ложь нашего времени, что для благополучной жизни людям все еще недостаточно средств. Понятие богатства и бедности исторично, нынешние бедные в XIX веке считались бы вполне обеспеченными людьми. В то же время при знаково-символическом потреблении средств не хватит никогда и, как показывает пример Америки, никакое наращивание производства удовлетворить их не сможет (в XX веке количество продукции на душу населения увеличилось в десятки, по некоторым видам в сотни раз).

Самое развитие техники, смена ее поколений тоже рождает потребность в непрерывных новациях, внутренне как бы обусловленных, необходимых, если же этого мало, то стимулируются «навороты», гаджетизм, мода (!) на машины и сооружения. Автомобили оцениваются по красоте и дизайнерским выдумкам как когда-то женские шляпки. Их производство стимулируется досрочным уничтожением. Здания строятся для престижа: кто выше, какое причудливее. Мощ-

нейшие ракетные системы, пожирающие тысячи тонн кислорода, используются для вывоза космических туристов. Сообщают о работах над специальной капсулой «для медового месяца в невесомости». Параллельно сетуют на «потепление и истощение озонового слоя». Получается, что вершины, достижением которой можно бы удовлетвориться в погоне за новыми потребностями, в потребительском обществе – нет. Вернее, есть – Абсурд. Развитие передового отряда его носителей демонстрирует «дурную бесконечность» их все время отодвигающихся сияющих горизонтов, манящих, притягивающих к себе о(т)стальной мир. *Прогрессивно(е) глупеющее, слепое, несчастное человечество. Счастливы только непониманием того, что делается.* Само роет себе могилу...

* * *

Всем нам свойственно ошибаться – сказал петух, спрыгивая с утки. Ошибки эти иногда бывают непоправимыми. Как теперь, которую делает человечество, отдавая себя во власть стихийного развития техники. Тем не менее, взывать к его Сознанию (или Бога) надо. У нас нет выхода, кроме как быть оптимистами. Даже если не удастся остановить это суицидное трансгрессивное движение, должны быть люди, которые понимают, что происходит. Чтобы сохранить хотя бы представительское достоинство как мыслящих существ. Бы-

ли мол, такие, кто видели и предупреждали. Пытались опровергнуть утверждение М. Хайдеггера, что «наука не мыслит», предлагая отслеживать результаты технической активности дальше собственного носа. Уповали на возможность сосуществования множества бытийных форм, надеялись на благоразумие представителей их «нашей реализации, а некоторые помнили, вдохновляясь тем, как долго и убедительно философы говорили о «свободе» и «выборе». В любом случае, если положение безнадежно, надо (с)делать все, чтобы его изменить. Вдруг что-то случится, и существующий Homo sapiens начнет понимать, что прогресс нужен для жизни, считать им актуализацию силы бытия, стремление к сохранению гомеостазиса на Земле и бороться до конца, пусть и без надежды на окончательную победу. Таким способом он может выиграть несколько лет, десятилетий, веков.

Как само устойчивое развитие не должно пасть жертвой непрерывного новационизма, так и его идеология не должна быть заложником суетной моды, мельтешения теоретической терминологии. Или мышления на уровне представлений трансгуманистов о благе для человека его трансформации в голограмму или превращения всего в цифры и «разумные ландшафты». Это уровень двенадцатилетних подростков, столкнувшись с которым прежние великие философы, да даже позитивисты лишились бы чувств (как сказали бы в 19 веке), потеряли сознание (как говорили в XX веке), отключились, вырубались, погасли, как говорят теперь. Одна-

ко, если смысл устойчивого развития превратился в противоположный, никакими укорами, объяснениями, призывами «к подлинности» его не восстановить. И все же стоит попытаться выразить, удержав эту подлинность в других, близких понятиях и терминах. Желательно более точно отвечая изменившимся обстоятельствам, с учетом прежнего опыта использования имени. Модифицировать форму, чтобы адекватнее уловить содержание. Представляется, что другим названием современного развития, поскольку мы хотим надеяться, что оно останется человеческим, может быть – *управляемое развитие*.

Развитие объекта с сохранением устойчивости требует управления им. Устойчивое развитие (*Sustainable development*) в действительности может быть реализовано только как управляемое развитие (*Managed/Control development*). Развитие управляемо, если оно с рефлексией, если у него есть цель и субъект. Это значит, что любая инновационная деятельность должна отслеживаться по последствиям и параметрам влияния на человека, быть обдумываемой и оцениваемой. У сторонников внедрения того или иного изобретения должны быть обязательно критики, оппоненты, ибо ни один продукт современной технонауки не является однозначно положительным. Они все, даже если не брать открыто авантюрные и преступно патологические – амбивалентны. «По определению», поскольку инновационная деятельность вышла за пределы феноменологической реально-

сти и стала постчеловеческой. Это предполагает, что далеко не все, что технически возможно, следует осуществлять, не всякое новое можно и нужно внедрять. Чтобы стать инновациями, новации должны проходить жесткие социально-гуманитарные фильтры. Через которые их надо приводить к мере человека, это задача более актуальная, ответственная и сложная, чем внедрять нарастающее как цунами количество сомнительных, неясных и непредвидимых по последствиям новаций. Как бы они нас не смыли, не унесли с этой Земли слишком скоро. Будем же, кто сохранившие здравый смысл антропоконсерваторы, за нее держаться. А техноиды, мутанты и роботобразные, улетели бы в космос, на другие, далекие, мертвые, но в этом качестве сущностно им близкие, адекватные планеты.

В новационном мире оппозиция революции и эволюции становится неактуальной. Новации носят непрерывный и универсальный характер. Перманентная революция...

Но в этом качестве она превращается в универсальный эволюционизм. Не случайно, начиная со второй половины XX века и по сию пору, универсальный эволюционизм, методологическим стержнем которого является синергетика, стал наиболее авторитетной теоретической моделью Бытия (в научной редукции – материи, Вселенной). Ему/ей присягнули почти все естественные науки, от микро и астрофизики до химии и биосемиотики. В ней атрибутом бытия становится не любое изменение, «движение», а некое становление и

развитие. Движение в определенном направлении. Все другие возможные состояния бытия лишаются самостоятельного статуса и предстают вариацией становления, источником которого признаётся небытие – ничто, хаос, пустота («Время предшествует бытию» – такую запись оставил И. Пригожин на стене для почетных гостей в МГУ), а также как самоорганизация и упорядочивание... времени(?).

В бытийно-генетическом плане этот универсальный эволюционизм как абсолютный новационизм есть Самоорганизация, некий, направляемый кем-то творческий Акт, целью которого является, например, в эволюционизме Тейяра де Шардена «точка Омега» (фактически Бог) или живой Бог верующих (без кодирования знаком), высший Разум (бог рационалистов) или просто дурная бесконечность. В любом случае развитие начинается или останавливается либо в каком-то фиксированном Субъекте, который вечен, либо в хаосе бесконечности. Однако бесконечность, будучи бесцельной, допускает любые повороты, превращения и возвраты. Значит, однонаправленного «развития по-научному» не получается. Идея развития не научна как таковая. Не редукционистская. Неудивительно, что в физике продолжают существовать другие модели Вселенной: стационарная, пульсирующая, «схлопывающаяся» «матричная» и т.д. Каждая из них имеет своё теоретическое и эмпирическое обоснование, аргументы «за» и «против», по силе они нередко кажутся одинаковыми. Не нам судить, кто из «физиков» прав.

Однако философия без привязки к большой теории обойтись не может. Осуществляя её, надо помнить об обусловленности науки нашим жизненным миром, особенно в социально-культурном плане. И, наоборот, о влиянии технотнауки на него. Окончательный аргумент в выборе должен быть за интересами человека. С этой точки зрения в нынешних обстоятельствах эволюционизм не может быть философией людей, их выживания. Универсальный эволюционизм – предельно обобщённое выражение идеологии линейного прогресса, когда он выходит за пределы социума и распространяется на мир в целом, в результате чего все формы существа представляются предпосылкой какой-либо одной, той, что признается высшей или (по времени) – последней. Причиной такой универсализации является стремительное возрастание роли искусственного в окружающей нас реальности, через призму которого начинают рассматривать всё. Искусственное изобретается, проектируется, «творится» – изобретается/творится и остальной мир, в том числе его прошлое и настоящее. Естественному, рождено-смертному человеку и «до-мысленной», не переработанной природе в искусственном мире не остается места. Потому что она – природа, и он – человек – не последние и не «высшие» состояния бытия. Последними, значит высшими, являются последние технологические достижения, которым сдают «на исправление и усовершенствование» человека. А это открывает дорогу, по которой человечество уже ходило. Отобрать самых

лучших! Лучших улучшить! Тогда, признаться, технологии не позволили – в первой половине XX века убивать умели прямо. А сейчас технонаука «доросла» – каждый, сие читающий, носит в кармане смартфон – суть подключен к Сети. Немного подождать – по сети начнем не только говорить, а и думать вместе. Ну те, кого не отключат «за устаревший протокол». Сольют все и вся в одно. Если сильно повезет – может стать даже новый Бог получится. Сверхразумный, абсолютный, вневременный! Конвергентный! Мертвый, правда, как и м(т)ы в нем – безжизненном «пространстве» всевеличия.....

Философия сохранения любого сущего должна исходить из того, что бытие в целом какой-то высшей цели не имеет, что это реальность, отдельные части, сингулярности, «системы», уровни которой, взаимодействуют друг с другом. Это идея *коэволюции*. Как атрибут бытия она допускает одновременное разнообразие его форм и состояний. В отличие от идеологии прогрессизма, предполагающей отрицание одной системы другой, коэволюция предполагает их совместное развитие в рамках некой целостности взаимодействия. Они – со-у(ю) зники. Это динамическое, внутренне расчленённое, субстратно разнородное состояние универсально коэволюционирующего целого. Его компоненты связаны друг с другом не субстратом, а единством той или иной функции, местом в структуре/сети существования. Внешней среды для него нет, она трансформируется в способ взаимодей-

ствия включенных в него компонентов. Такой подход позволяет учесть специфику одновременного (со)существования и поддержания самости естественного и искусственного, живого и мёртвого, человеческого и иного.

Коэволюция – это неоконсервативная «модель», «схема» Вселенной, признающая самоценность всех её бытийных форм, в соответствии с их сущностной природой. Коэволюция – модель «коммуникативной онтологии». Она, конечно, философская, умозрительная, но не более, нежели многие другие модели, выдвигаемые в физике и фундированные математическими выкладками. За этими выкладками обычно всё равно стоит какая-то содержательно-смысловая идея, мировоззренческая концепция. Для коэволюционно-коммуницирующего мира нет внешней цели, она у него «в себе». Также и у его отдельных миров, направленных на иное, которое, в свою очередь, служит их бытийности. Это значит, что можно говорить о взаимо-со(во)-купно-действии миров жизни и миров разума без их редукции к какому-либо одному из них. В том числе, и прежде всего, не допуская подмены качественной человеческой реальности информационно-компьютерной, гуманизма трансгуманизмом, проживания Бытия – его техногенным моделированием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.